

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.6
EDN: RTVNHW

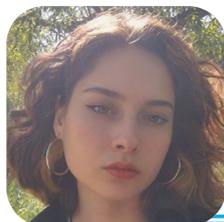
Свидетели травли: что побуждает школьников вмешиваться или оставаться в стороне

Ссылка для цитирования:

Букина А. А., Елисеева Е. В., Петрова Е. И., Титкова В. В. Свидетели травли: что побуждает школьников вмешиваться или оставаться в стороне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 96–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.6> EDN: RTVNHW

For citation:

Bukina A. A., Eliseeva E. V., Petrova E. I., Titkova V. V. (2024) Bystanders of Bullying: What Motivates Students to Intervene or Stay on the Sidelines. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 96–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.6>

Букина Арина Алексеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: bukinaarina505@gmail.com

Елисеева Елизавета Вячеславовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: eliseevaeliza6@gmail.com

Петрова Елизавета Игоревна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: petrova693elizaveta@gmail.com

Титкова Вера Викторовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vtitkova@hse.ru

В статье рассматриваются причины (не)вмешательства свидетелей в защиту жертв школьной травли. Мы исследуем феномен отчуждения моральной ответственности среди школьников 8–10 классов из двух школ Санкт-Петербурга. Анализ 42 интервью показал, что невмешательство сопровождается страхом, равнодушием, убеждением в заслуженности травли. Страх ухудшения своего положения в иерархии группы и боязнь стать следующей жертвой травли являются сдерживающими факторами, из-за которых учащиеся остаются пассивными наблюдателями. Равнодушие среди школьников часто объясняется сосредоточенностью на собственных проблемах, дистанцированием от трудностей других. Обвинение жертв делает вмешательство социально нежелательным действием.

Вмешательство и помощь жертвам мотивируется наличием дружеских отношений с жертвой, чувством моральной ответственности за благополучие окружающих, личным опытом пережитых издевательств.

Результаты исследования важны для разработки антибуллинговых программ и создания благополучной школьной среды. Работая с причинами невмешательства, можно научить школьников быть социально ответственными за свое поведение и поведение окружающих.

Ключевые слова: школьный буллинг; свидетели буллинга; отчуждение моральной ответственности; школьники

Введение

Школьная среда — это место, где дети общаются и учатся социальным нормам. Однако в этой среде распространены случаи буллинга (травли). Чтобы определить, является ли какое-либо действие травлей, необходимо учитывать три компонента: 1) это агрессивное поведение, которое используется с намерением причинить вред другому человеку; 2) агрессия имеет повторяющийся характер; 3) существует дисбаланс сил между жертвой и агрессором, при этом агрессор занимает доминирующее положение по отношению к жертве [Olweus, 1991; Hymel, Swearer, 2015].

Травля может проявляться в различных формах: в физической, вербальной, социальной, которая также называется реляционной, и в форме кибертравли — через интернет, сообщения и социальные сети [Wang et al., 2009; Harbin et al., 2018]. Физическая травля чаще встречается среди мальчиков, в то время как словесная и социальная травля наиболее распространены среди девочек [Donoghue, Raia-Nawrylak, 2016]. Но в то же время физическая агрессия является наименее распространенной по сравнению с другими видами травли [Wang et al., 2009]. Также было отмечено, что девочки проявляют агрессию в основном по отношению к девочкам, в то время как мальчики могут проявлять ее как по отношению к мальчикам, так и по отношению к девочкам [Carrera et al., 2011].

Если рассматривать международные исследования, то примерно 20–25% учащихся вовлечены в школьный буллинг либо в качестве агрессора, либо

в качестве жертвы, либо в сочетании обеих ролей (bully-victim) [Juvonen, Graham, 2014; Pat et al., 2019]. Межнациональное исследование, которое было проведено среди детей в возрасте 13–15 лет из 31 страны, показало, что 33% из 218 104 детей были вовлечены в буллинг [Due et al., 2008].

Российские исследования также подтверждают распространенность буллинга среди школьников. Так, согласно данным исследования PISA, проведенного в 2018 году с участием 7 608 российских школьников в возрасте 15 лет, 37% детей подвергаются издевательствам несколько раз в месяц [OECD, 2020]. Анализ, проведенный среди 18 433 учащихся 6–9 классов Калужской области, показал, что жертвами буллинга в школах стали 15,3% детей [Ivaniushina et al., 2021]. В одном из исследований, которое было проведено среди 6–11 классов, травле подвергались от 30 до 60% школьников, наиболее распространенными оказались вербальный и социальный буллинг. Кроме того, 29–39% учащихся чаще всего являлись свидетелями ситуаций травли [Новикова и др., 2021].

Издевательства негативно влияют на психосоциальное и академическое состояние учащихся. В частности, буллинг становится причиной депрессии и тревожности, приводит к увеличению случаев социального отвержения среди сверстников и ухудшению успеваемости [Halliday et al., 2021]. Более того, травля может иметь долговременные последствия, такие как низкая самооценка, чувство стыда, расстройства пищевого поведения, проблемы с дисциплиной и трудности в межличностных отношениях [deLara, 2022].

Свидетели могут способствовать прекращению издевательства и улучшению состояния жертвы посредством эмоциональной поддержки или обращения за помощью к учителям или другим взрослым [Bauman et al., 2020]. Однако часто свидетели выбирают пассивное наблюдение и не вмешиваются в происходящее. Понимание причин, по которым свидетели буллинга принимают решение вмешаться или не вмешиваться, имеет ключевое значение для предотвращения этого явления.

Отчуждение моральной ответственности в ситуациях буллинга

Отчуждение моральной ответственности — это психологический процесс, при котором человек оправдывает свои аморальные или антисоциальные поступки, снимая с себя чувство вины и ответственности за них, не испытывая при этом значительного психологического дискомфорта [Bandura, 2002]. Люди с высоким уровнем отчуждения моральной ответственности чаще проявляют агрессивное поведение и участвуют в актах буллинга [Perren et al., 2012]. Кроме того, отчуждение моральной ответственности имеет отрицательную связь с просоциальным поведением, которое включает в себя действия, направленные на помощь и поддержку других людей [Bandura, 2002] (вмешательство в ситуацию травли, защиту и поддержку жертв).

Альберт Бандура выделяет механизмы, которые позволяют людям оправдывать аморальные действия, минимизируя внутренний конфликт и чувство вины

[Bandura, 2002]. Они связаны с буллингом среди школьников [Thornberg et al., 2023] и в данной статье рассматриваются как объясняющий механизм поведения детей в ситуациях травли.

Одной из групп механизмов является когнитивная реструктуризация, при которой аморальное поведение переосмысливается с использованием аргументов, изображающих антиобщественные действия как рациональные. Ключевым механизмом здесь выступает моральное оправдание, посредством которого индивиды воспринимают свои аморальные поступки как приемлемые, если они убеждены, что их действия служат высшей цели или общему благу. Другой важный механизм в этой группе — эвфемистическое маркирование, когда аморальные действия описываются мягкими или нейтральными терминами, что позволяет снизить их моральное бремя. Важную роль также играет механизм сравнения с худшими действиями, при котором люди сравнивают свои поступки с еще более аморальными действиями других [Bandura, 2002].

Когнитивная реструктуризация имеет связь с травлей во всех возрастных и гендерных группах среди школьников [Thornberg et al., 2023]. К тому же данная группа механизмов выполняет посредническую роль между виктимизацией и последующим буллингом, поскольку некоторые подвергшиеся виктимизации подростки могут формировать искаженную интерпретацию своего опыта, рассматривая издевательства как норму, преуменьшая их значимость и переосмысливая их как нормативный аспект взаимоотношений со сверстниками, что может способствовать их переходу к агрессивному поведению в будущем [Falla et al., 2022]. Было установлено, что среди учеников начальных классов те, кто подвергался буллингу, становились менее чувствительными к нему и реже следовали моральным нормам, что приводило к снижению вмешательства со стороны свидетелей, так как дети становились более пассивными в данных ситуациях [Jiang et al., 2020].

А. Бандура также пишет о механизме, который заключается в игнорировании, минимизации или искажении последствий, возникающих вследствие аморального поведения [Bandura, 2002]. В контексте буллинга данный механизм может проследиваться у агрессоров, действия которых причиняют вред жертве [Runions et al., 2019].

Существует группа механизмов, которые связаны с отказом от личной ответственности за совершенные действия. Перемещение ответственности позволяет людям перекладывать вину за свои действия на других. Кроме того, важным механизмом является рассеивание ответственности, когда аморальные действия совершаются группой, и каждый участник ощущает меньшую личную ответственность [Bandura, 2002].

Последняя из выделенных Бандурой групп механизмов связана с восприятием жертв аморального поведения. В данном контексте действует механизм дегуманизации, при котором жертвы аморальных действий воспринимаются как лишенные человеческих качеств и недостойные сострадания. Еще одним механизмом является возложение вины на жертву, когда люди обвиняют жертв в их собственных страданиях, что позволяет оправдывать свои аморальные поступки [Bandura, 2002].

Поведение наблюдателей, поддерживающих буллинг, может обуславливаться рассеиванием ответственности и возложением вины на жертву [Bjärehed et al., 2020], в то время как защитники относятся к данным механизмам негативно [Thornberg, Jungert, 2014].

Важную роль в определении поведения наблюдателей травли, наряду с отчуждением моральной ответственности, играет самоэффективность. Это относится к вере подростка в свою способность совершать действия, которые влияют на результат, и в их значимость для жертвы, например, вмешательство в ситуации школьного буллинга [Bandura, 1997]. Более высокая самоэффективность в защитном поведении коррелирует с активным вмешательством стороннего наблюдателя. Например, ученики с высокой самоэффективностью с большей вероятностью поддержат жертв, а не останутся пассивными наблюдателями или встанут на сторону агрессора [Thornberg et al., 2020]. Люди с более низким уровнем отчуждения моральной ответственности и более высокой самоэффективностью с большей вероятностью будут активно защищать жертв [Yang, Gao, 2023]. Тем не менее самоэффективности самой по себе может быть недостаточно для защиты жертв, и другие факторы могут помешать учащимся помогать жертвам травли.

Данные и методы

Статья базируется на данных, собранных в рамках исследовательского проекта «Школьный буллинг и его профилактика» научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2024 году. Командой проекта было собрано 82 полуструктурированных интервью. Выборка респондентов включала учеников с 8 по 10 классы двух школ города Санкт-Петербурга. Ученики 11 класса не были включены в выборку, поскольку в период проведения исследования они готовились к Единому государственному экзамену. В исследовании участвовали учащиеся, достигшие возраста 14 лет.

Гайд состоял из двух разделов: общей информации о классе респондента и отдельного раздела вопросов, касающихся травли. Первый раздел включал вопросы о структуре общения в классе, наличии групп и принципах их формирования. Второй раздел был направлен на выявление случаев буллинга в классе, форм его проявления и поведения учащихся в ситуациях травли. В начале интервью интервьюеры просили учащегося нарисовать схему класса в соответствии с его представлениями о нем. Информантам предоставлялись разъяснения относительно оформления схемы. Например, предлагалось обозначать девочек треугольниками, а мальчиков — кружочками. Далее вопросы задавались с опорой на эту схему. Это позволило более детально изучить группы внутри класса, их взаимодействие и расспросить о людях, с которыми никто не общается, так как они потенциально могут являться жертвами буллинга.

Для дальнейшего анализа были отобраны 42 из 82 интервью, из которых 22 были проведены с девочками и 20 — с мальчиками. В ходе тематического кодирования были определены типы травли (физическая, вербальная и социальная), а также типы сторонних наблюдателей и причины их вмешательства или невмешательства в ситуации травли.

Восприятие буллинга: результаты исследования

В исследовании особое внимание уделялось восприятию школьниками буллинга и тому, как они описывают свой личный опыт и опыт своих сверстников, столкнувшихся с этим явлением. Во всех проанализированных интервью дети рассказывали о случаях травли.

На основе данных интервью можно выделить несколько форм поведения, которые воспринимаются школьниками как буллинг. К ним относятся вербальная агрессия, проявляющаяся в обидных шутках; физическая травля, которая связана с порчей имущества жертвы; социальный буллинг, выражающийся в избегании или игнорировании человека.

«Просто начала насмехаться надо мной, призывала всех к этому. И по итогу начали все как-то надо мной шутить, обзывать» (ж., 8 класс).

«Они положили рядом с рюкзаком мальчика, сына библиотекаря, стержень ручки, и там разлилось и испачкалось все» (ж., 10 класс).

«Ну, и ее начали избегать, как-то смеяться с нее» (ж., 8 класс).

Также школьники рассказывали о стратегиях поведения, которые используют они сами или другие одноклассники, когда становятся свидетелями травли. Данные стратегии можно разделить на две основные категории: вмешательство и невмешательство в ситуации травли.

Причины невмешательства в ситуации буллинга

Невмешательство в ситуации буллинга среди школьников может быть обусловлено страхом за собственное положение, равнодушием и убеждением в заслуженности наказания. Эти причины связаны с различными механизмами отчуждения моральной ответственности, которые помогают школьникам оправдывать свое бездействие и избегать чувства вины за это.

Страх перед последствиями

Многие учащиеся называли страх перед возможными последствиями как одну из причин невмешательства в ситуации буллинга. Этот страх может быть разделен на несколько категорий, одной из которых является потеря авторитета.

Одна из школьниц предполагает, что ее сверстники не вмешивались в школьную травлю, потому что боялись, что это может негативно сказаться на их положении в социальной иерархии группы. Страх потерять уважение и авторитет среди сверстников мешал им предпринять какие-либо действия для защиты жертвы травли.

«Все боялись за нее заступаться, потому что ты нарушишь свой авторитет» (ж., 8 класс).

В контексте школьного буллинга властные отношения и социальные иерархии часто играют значительную роль во взаимоотношениях между сверстниками [Evans, Smokowski, 2016]. В этом случае воспринимаемые риски являются мощным сдерживающим фактором для вмешательства, так как подростки могут отдавать приоритет поддержанию своего социального положения и избеганию потенциальных социальных последствий защиты жертв травли. В этом прослеживается один из механизмов отчуждения моральной ответственности — моральное оправдание. Школьники не вмешиваются в агрессию, так как они убеждены, что, поступая таким образом, они не нарушают сложившуюся в их социальной среде иерархию и не ухудшают свое положение в ней. Однако, когда существует значительная разница в статусе и влиянии среди одноклассников, создаются условия для более частых случаев травли [Garandeanu, Salmivalli, 2014].

Прошлый опыт жертвы тоже может привести к страху вмешательства в ситуацию буллинга. В одном из интервью школьница рассказала о случае из прошлого, когда она попыталась защитить кого-то и сама стала жертвой травли, что сделало ее менее склонной к вмешательству в аналогичных ситуациях.

«Я как-то один раз заступилась, а потом сама попала под горячую руку. Поэтому сейчас никто особо не это [заступается]» (ж., 8 класс).

Школьники, которые не указывали, что ранее были жертвами травли, также говорили о страхе. Подростки выражали беспокойство по поводу возможных последствий вмешательства в ситуацию буллинга, среди которых они выделяли страх стать следующей жертвой травли.

«Скорее всего боялись сами попасть под эту волну буллинга» (м., 10 класс).

Некоторые подростки, описывая свой страх вмешаться в ситуацию травли, указывают вид буллинга, жертвами которого боятся стать. В одном из случаев девочка из 10 класса говорила о вербальном буллинге, когда кого-то дразнят или высмеивают.

«Я отмалчивалась просто. В какие-то моменты я тоже говорила, что ненормально так шутить. Но обычно я просто молчу... Во-первых, мне страшно, что меня начнут знобить тоже» (ж., 10 класс).

В данной цитате буллинг описывается как шутка, что является более мягким термином. В этом прослеживается механизм эвфемистического маркирования, и действия, которые причиняют вред человеку, кажутся более безобидными, что способствует отчуждению моральной ответственности и невмешательству.

В подростковой социальной динамике принятие среди сверстников играет важную роль [Blakemore, 2018]. Для школьников страх личных и социальных последствий действует как мощный сдерживающий фактор, влияя на процессы принятия решений о том, вмешиваться или оставаться пассивными наблюдателями.

Отстраненность и равнодушие

Равнодушие также является причиной того, почему дети не защищают других в ситуациях буллинга. Оно может возникать по разным причинам, включая сосредоточенность на своих собственных приоритетах или отстраненность от проблем других членов школьного сообщества. В двух цитатах ниже учащиеся прямо заявляют о своем безразличии к другим.

«Мне, честно, на других все равно. Меня не касается, и все» (м., 9 класс).

Школьники избегают участия в вопросах, которые не влияют непосредственно на их благополучие. Одна из учениц говорит о том, что одноклассники не хотят быть вовлечены в проблемы, которые связаны с другими, поэтому они не вмешиваются в ситуации буллинга.

«А всем остальным проблемы лишние не нужны» (ж., 10 класс).

В данном случае может действовать механизм отчуждения моральной ответственности, который связан с игнорированием последствий аморального поведения. Поскольку в школьной среде дети проводят большое количество времени вместе, они могут замечать, как страдают жертвы буллинга, но игнорировать из-за равнодушия к другим. Этот механизм позволяет им не чувствовать моральной ответственности за происходящее, поэтому они не вмешиваются и не защищают жертв.

Вмешиваясь в ситуации травли, школьники занимают определенную позицию: поддержка агрессора или поддержка жертвы. Этот выбор, который накладывает на них определенные моральные и социальные обязательства, влияет на их отношения с обеими сторонами конфликта и формирует их дальнейшее поведение в этой среде: поддержка агрессора может укрепить его позицию и усугубить ситуацию для жертвы, в то время как поддержка жертвы может помочь ей почувствовать себя защищенной, но также может привлечь негативное внимание агрессора к защитнику. Некоторые школьники пытаются оградить себя от принятия решений и вмешательства в ситуации буллинга, поэтому ведут себя отстраненно и остаются пассивными наблюдателями. Они выбирают нейтральную позицию, стараясь не привлекать к себе внимания, избегая возможных негативных последствий вмешательства.

«Я на самом деле старалась ни на чью сторону не переходить, но при этом... немного отстраненно себя вести, чтобы меня это не касалось. Но, конечно, мы взаимодействовали со взрослым, если что-то случилось особое, и помогли детям отдельно» (ж., 9 класс).

Несмотря на общую отстраненность, некоторые школьники признают важность обращения за помощью в случае серьезных обстоятельств. Они могут избегать личного вмешательства в конфликты, но готовы обратиться к взрослым. Данные действия могут способствовать прекращению буллинга в будущем и смягчить последствия травли для жертвы [Bauman et al., 2020].

Заслуженность

Некоторые школьники говорят о том, что невмешательство в ситуацию буллинга связано с убеждением, что жертва заслужила такое отношение к себе со стороны одноклассников.

«Все ополчились на эту девочку, которая всем неприятна, потому что она плохо себя вела, если так можно сказать. Ну, потому что так и есть. И в целом там было все заслуженно» (м., 9 класс).

Такие убеждения создают иллюзию справедливости происходящего, что является моральным оправданием своего бездействия, в то время как действия агрессоров воспринимаются свидетелями как рациональные и служащие общему благу — наказанию человека, поведение которого многим не нравится. В их глазах агрессоры воспринимаются не как нарушители норм, а как люди, поддерживающие порядок в существующей социальной среде [Thornberg et al., 2020].

В данном случае также действует механизм отчуждения моральной ответственности — обвинение жертвы, когда агрессоры и свидетели перекладывают вину за буллинг на саму жертву, считая, что ее поведение или черты характера провоцируют агрессию. Это позволяет им избежать чувства вины и ответственности за травлю и невмешательство.

Причины вмешательства в ситуации буллинга

Мотивы, побуждающие школьников вмешиваться в травлю и поддерживать жертв буллинга, можно охарактеризовать как социальные, моральные и эмоциональные. Решение вмешаться в ситуацию травли также зависит от веры подростков в свои силы и от понимания того, что они могут оказать помощь и защитить жертву [Wachs et al., 2020].

Защита друга

Довольно часто школьники рассказывали об оскорбительных «шутках», которые относятся к вербальному буллингу. Некоторые респонденты подчеркивали, что эти инциденты касались их близких друзей. Например, один

из респондентов описал, как он заступился за друга, в результате чего агрессор извинился перед жертвой.

«У меня друг, и над ним пошутили неприятно. Что-то сказали, я точно не помню, но ему что-то сказали обидное. Он как бы сильно не обиделся, но по нему видно было, что его эта шутка настораживает, ему стало неприятно. Я подошел после этого к человеку, который так пошутил, сказал то, что он, может, извинится. Он спокойно извинился» (м., 10 класс).

В данном случае респондент использовал эвфемистическое маркирование, называя оскорбление «шуткой». Однако, несмотря на использование смягчающих выражений, респондент осознает, что данные действия агрессора не являются правильными.

Также интересно отметить, что в случаях вербального буллинга дети указывали на важную роль гендера жертвы. По словам одного из респондентов, если жертва является девочкой, ее друзья с большей вероятностью встанут на ее защиту. В то время как мальчики имеют менее сплоченные группы и реже защищают друг друга.

«Если скажут про какую-нибудь из девочек, все заступятся. Мне кажется, там компания. Как-то более дружеские отношения у девочек, чем у мальчиков» (ж., 10 класс).

В исследованиях роли гендера в буллинге также упоминается, что девочки более склонны к защите жертв травли [Nickerson et al., 2008; Bistrong et al., 2019]. Однако существуют противоположные выводы, где роль защитника чаще принимают мальчики [Nickerson, Mele-Taylor, 2014]. Различия в результатах исследований о роли гендера в защите жертв травли могут быть объяснены социальным контекстом и нормами, которые варьируются в зависимости от школьного климата и социальных норм в школах.

Некоторые школьники отметили, что они заступаются только за своих друзей, но они не станут заступаться за людей вне своего социального круга, поскольку не чувствуют личной связи или обязательства по отношению к ним.

«Я защищаю, потому что это мои друзья. Я не защищаю тех, кто не мои друзья, и я к ним никакого отношения не имею. Я не прям человек, у которого огромное, большое доброе сердце. Но если идет речь про моих друзей, то да. Я говорю: „Какого черта?“». (м., 10 класс).

В этом случае действуют механизмы перемещения и рассеивания ответственности. Свидетели травли считают, что кто-то другой должен помочь жертве, например, ее друзья или другие очевидцы, поэтому сами не вмешиваются в ситуацию буллинга.

В контексте травли наличие социального капитала является важным фактором вмешательства. Жертвы буллинга достаточно часто не имеют социальных

связей со своими одноклассниками, что является одной из причин агрессивного поведения по отношению к ним и отсутствия защиты со стороны сверстников [Evans, Smokowski, 2016].

Однако были ситуации, когда респонденты упоминали, что они могли бы заступиться за человека, которого знают не так давно.

«Потому что мы с этим человеком уже десять лет знакомы. Конечно, есть новенькие, но они тоже как будто прижились, и поэтому как-то будет странно не помочь ему в такой ситуации» (ж., 10 класс).

Это говорит о том, что решение вмешаться зависит не только от наличия дружеских отношений, но также может быть обусловлено личными убеждениями человека и школьным климатом. В таких случаях восприятие общих ценностей и взаимного уважения могут побудить учащихся защищать своих сверстников от буллинга [Evans, Smokowski, 2016].

Моральные принципы

Решение вмешаться в ситуацию буллинга может быть связано с моральными принципами, которые формируют понимание правильного и неправильного и помогают противостоять несправедливому или аморальному поведению. Респонденты говорили о чувстве совести, чести, правды, справедливости как о моральной основе, которая помогает определять, что является плохими действиями.

«Потому что у некоторых из них есть такое чувство совести, чести, правды, что они, можно сказать, видят, что плохо, что нельзя» (ж., 10 класс).

Один из респондентов отметил, что решение вмешаться в ситуацию буллинга во многом определяется воспитанием, которое человек получил.

«Потому что у людей есть голова на плечах. Потому что воспитание правильное. Потому что придерживаются каких-то моральных норм и ценностей» (м., 9 класс).

Эта точка зрения подчеркивает важность роли семьи в формировании моральных принципов у человека. Наличие конфликтов в семье, отсутствие поддержки родителей и использование насилия как модели решения семейных проблем увеличивают вероятность положительного отношения подростков к буллингу [Moral, Ovejero, 2021].

Некоторые школьники принимают во внимание последствия буллинга и рассматривают его как неприемлемое явление. Они понимают, что это может иметь серьезные негативные последствия для жертв, и считают необходимым вмешиваться для их предотвращения.

«Я лично заступаюсь за людей, потому что считаю буллинг неправильным в любом его проявлении. Если у человека болит, значит, это нужно срочно останавливать, потому что могут быть абсолютно разные и, скорее всего, плохие последствия» (м., 10 класс).

Базовая моральная чувствительность играет ключевую роль в таком поведении. Это способность человека распознавать моральные нарушения и их негативные последствия для окружающих, которая сопровождается такими эмоциями, как эмпатия, сочувствие и чувство вины [Thornberg, Jungert, 2013]. Школьники с более развитой моральной чувствительностью демонстрируют меньше склонности к агрессии и чаще становятся защитниками жертв травли [Sjögren et al., 2024].

Опыт жертвы

Для некоторых школьников причиной вмешательства в ситуацию травли становится прошлый опыт жертвы. Пережив такое отношение на себе, они заступаются за других и поддерживают жертв буллинга.

«Потому что у меня был свой негативный опыт. Я сменил много школ. И в пятом классе меня очень сильно травлили тоже, и я знаю, каково это, когда травят человека, и тоже заступался где-то, когда уже грань переходили. То есть я заступался, говорил, что не надо так делать, человеку неприятно» (м., 8 класс).

Основываясь на собственном опыте, эти ученики не только предоставляют важную поддержку жертвам травли, но и способствуют созданию более дружелюбной и уважительной атмосферы в классе, где буллинг становится менее приемлемым.

Однако дети, которые ранее подвергались травле, могут менее активно вмешиваться в такие ситуации в будущем [Jiang et al., 2020]. Несмотря на то, что они сами прошли через это и могут осознавать все негативные последствия буллинга, они выбирают стратегию невмешательства. Это может быть связано с когнитивной реструктуризацией, из-за которой буллинг воспринимается как нормальный аспект взаимоотношений.

Заключение

Страх перед возможными последствиями, равнодушие и убеждение в зашуженности наказания — основные причины, по которым дети не защищают жертв травли. Страх потерять авторитет или стать следующей жертвой является мощным сдерживающим фактором. Равнодушие может быть связано с сосредоточенностью на своих собственных проблемах или отстраненностью от проблем других, поэтому школьники часто избегают участия в конфликтах, которые не касаются их напрямую, предпочитая оставаться пассивными

наблюдателями. Некоторые ученики считают, что жертва травли заслуживает такое отношение из-за своего поведения.

Решение вмешаться в ситуацию травли часто зависит от самоэффективности школьников — их уверенности в своих способностях защитить жертву. Мотивы вмешательства могут включать социальные, моральные и эмоциональные факторы. Защита друзей, моральные принципы и личный опыт жертвы — основные мотивы, побуждающие школьников к активным действиям.

Школьники чаще всего защищают своих близких друзей, чувствуя личную ответственность за их благополучие. Важно отметить, что решение вмешаться может зависеть не только от продолжительности отношений, но и от контекста взаимодействия и чувства справедливости или эмпатии. Моральные принципы, такие как совесть, честь и чувство справедливости, играют важную роль в принятии решений о вмешательстве в ситуации буллинга. Школьники осознают последствия издевательств и считают необходимым вмешиваться, чтобы предотвратить негативные эффекты буллинга. Основываясь на своем опыте, учащиеся, которые сами пережили травлю, могут вмешиваться в ситуации буллинга и помогать другим справляться с трудностями.

Знание причин невмешательства и мотивов вмешательства в школьную травлю является важным шагом для понимания механизмов, которые могут быть заложены в превентивные антибуллинговые программы. Однако результаты данной работы ограничены выборкой из двух школ Санкт-Петербурга, что не позволяет сделать более обобщенные выводы. Кроме того, исследование было проведено среди учащихся 8–10 классов, в других возрастных группах могут быть обнаружены иные причины вмешательства и невмешательства в ситуации травли. Также в контексте иного школьного климата могут быть выявлены другие стратегии поведения школьников.

Благодарности

Мы хотели бы выразить благодарность научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», ее сотрудникам и Ходоренко Дарье Константиновне за организацию проекта «Школьный буллинг и его профилактика», участникам проекта за сбор интервью, а также Артемиевой Наталье за помощь в анализе интервью.

Литература / References

Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90> EDN: UAIWHS

Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. (2021) Measuring Bullying in Russian Schools: Prevalence, Age and Gender Correlates, and Associations with School Climate. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3. P. 62–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>

- Bandura A. (1997) *Self-efficacy: The Exercise of Control*. New York: W. H. Freeman.
- Bandura A. (2002) Selective Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency. *Journal of Moral Education*. Vol. 31. No. 2. P. 101–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0305724022014322>
- Bauman S., Yoon J., Iurino C., Hackett L. (2020) Experiences of Adolescent Witnesses to Peer Victimization: The Bystander Effect. *Journal of School Psychology*. Vol. 80. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2020.03.002>
- Bistrong E., Bottiani J. H., Bradshaw C. P. (2019) Youth Reactions to Bullying: Exploring the Factors Associated with Students' Willingness to Intervene. *Journal of School Violence*. Vol. 18. No. 4. P. 522–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2019.1576048>
- Bjärehed M., Thornberg R., Wänström L., Gini G. (2020) Mechanisms of Moral Disengagement and Their Associations with Indirect Bullying, Direct Bullying, and Pro-Aggressive Bystander Behavior. *The Journal of Early Adolescence*. Vol. 40. No. 1. P. 28–55. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431618824745>
- Blakemore S.-J. (2018) Avoiding Social Risk in Adolescence. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 27. No. 2. P. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/g2q9e>
- Carrera M. V., DePalma R., Lameiras M. (2011) Toward a More Comprehensive Understanding of Bullying in School Settings. *Educational Psychology Review*. Vol. 23. No. 4. P. 479–499. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10648-011-9171-x>
- deLara E. W. (2022) Family Bullying in Childhood: Consequences for Young Adults. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 37. No. 3–4. P. 206–226. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260520934450>
- Donoghue C., Raia-Hawrylak A. (2016) Moving beyond the Emphasis on Bullying: A Generalized Approach to Peer Aggression in High School. *Children & Schools*. Vol. 38. No. 1. P. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.1093/cs/cdv042>
- Due P., Holstein B. E., Soc M. S. (2008) Bullying Victimization among 13 to 15-year-old School Children: Results from Two Comparative Studies in 66 Countries and Regions. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. Vol. 20. No. 2. P. 209–221. DOI: <https://doi.org/10.1515/IJAMH.2008.20.2.209>
- Evans C. B. R., Smokowski P. R. (2016) Theoretical Explanations for Bullying in School: How Ecological Processes Propagate Perpetration and Victimization. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 33. No. 4. P. 365–375. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10560-015-0432-2>
- Garandeau C. F., Lee I. A., Salmivalli C. (2014) Inequality Matters: Classroom Status Hierarchy and Adolescents' Bullying. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 43. No. 7. P. 1123–1133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-013-0040-4>
- Halliday S., Gregory T., Taylor A., Digenis C., Turnbull D. (2021) The Impact of Bullying Victimization in Early Adolescence on Subsequent Psychosocial and Academic Outcomes across the Adolescent Period: A Systematic Review. *Journal of School Violence*. Vol. 20. No. 3. P. 351–373. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2021.1913598>
- Harbin S., Kelley M., Piscitello J., Walker S. (2018) Multidimensional Bullying Victimization Scale: Development and Validation. *Journal of School Violence*. Vol. 18. No. 1. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2017.1423491>
- Hymel S., Swearer S. M. (2015) Four Decades of Research on School Bullying: An Introduction. *American Psychologist*. Vol. 70. No. 4. P. 293–299. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0038928>
- Ivaniushina V., Khodorenko D., Alexandrov D. (2021) Age and Gender Differences and the Contribution of School Size and Type in the Prevalence of Bullying. *Educational Studies*. No. 4. P. 220–242. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
- Jiang S., Liu R.-D., Ding Y., Jiang R., Fu X., Hong W. (2020) Why the Victims of Bullying Are More Likely to Avoid Involvement When Witnessing Bullying Situations: The Role of Bullying Sensitivity and Moral Disengagement. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 37. No. 5–6. P. 1–22. <https://doi.org/10.1177/0886260520948142>

- Juvonen J., Graham S. (2014) Bullying in Schools: The Power of Bullies and the Plight of Victims. *Annual Review of Psychology*. Vol. 65. P. 159–185. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115030>
- Moral M.V., Ovejero A. (2021) Adolescents' Attitudes to Bullying and its Relationship to Perceived Family Social Climate. *Psicothema*. Vol. 33. No. 4. P. 579–586. DOI: <https://doi.org/10.7334/psicothema2021.45>
- Nickerson A.B., Mele D., Princiotta D. (2008) Attachment and Empathy as Predictors of Roles as Defenders or Outsiders in Bullying Interactions. *Journal of School Psychology*. Vol. 46. No. 6. P. 687–703. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2008.06.002>
- Nickerson A.B., Mele-Taylor D. (2014) Empathetic Responsiveness, Group Norms, and Prosocial Affiliations in Bullying Roles. *School Psychology Quarterly*. Vol. 29. No. 1. P. 99–109. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000052>
- OECD (2020) "Bullying". *PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives*. Paris: OECD Publishing. P. 45–65. DOI: <https://doi.org/10.1787/cd52fb72-en>.
- Olweus D. (1991) Bully/Victim Problems among Schoolchildren: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program. *The Development and Treatment of Childhood Aggression*. Lawrence: Lawrence Erlbaum Associates. P. 411–448.
- Pat F., Bass III M.D., Scholer S., Flannery D., Lichenstein R. (2019) How to Identify and Treat Bullying. *Contemporary PEDS Journal*. Vol. 36 No. 6. P. 30–34.
- Perren S., Gutzwiller-Helfenfinger E., Malti T., Hymel S. (2012) Moral Reasoning and Emotion Attributions of Adolescent Bullies, Victims, and Bully-victims. *British Journal of Developmental Psychology*. Vol. 30. No. 4. P. 511–530. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-835X.2011.02059.x>
- Runions K.C., Shaw T., Bussey K., Thornberg R., Salmivalli C., Cross D.S. (2019) Moral Disengagement of Pure Bullies and Bully/Victims: Shared and Distinct Mechanisms. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 48. P. 1835–1848. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01067-2>
- Sjögren B., Thornberg R., Kim J., Hong J.S., Kloo M. (2024) Basic Moral Sensitivity, Moral Disengagement, and Defender Self-efficacy as Predictors of Students' Self-reported Bystander Behaviors over a School Year: A Growth Curve Analysis. *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1378755>
- Thornberg R., Bjereld Y., Caravita S.C. (2023) Moral Disengagement and Bullying: Sex and Age Trends among Swedish Students. *Cogent Education*. Vol. 10. No. 1. P. 679–690. DOI: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2203604>
- Thornberg R., Daremark E., Gottfridsson J., Gini G. (2020) Situationally Selective Activation of Moral Disengagement Mechanisms in School Bullying: A Repeated Within-Subjects Experimental Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01101>
- Thornberg R., Jungert T. (2013) Bystander Behavior in Bullying Situations: Basic Moral Sensitivity, Moral Disengagement and Defender Self-efficacy. *Journal of Adolescence*. Vol. 36. No. 3. P. 475–483. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2013.02.003>
- Thornberg R., Jungert T. (2014) School Bullying and the Mechanisms of Moral Disengagement. *Aggressive Behavior*. Vol. 40. No. 2. P. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.21509>
- Thornberg R., Wänström L., Elmeliid R., Johansson A., Mellander E. (2020) Standing up for the Victim or Supporting the Bully? Bystander Responses and Their Associations with Moral Disengagement, Defender Self-efficacy, and Collective Efficacy. *Social Psychology of Education*. Vol. 23. No. 3. P. 563–581. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11218-020-09549-z>
- Wachs S., Görzig A., Wright M.F., Schubarth W., Bilz L. (2020) Associations among Adolescents' Relationships with Parents, Peers, and Teachers, Self-Efficacy, and Willingness to Intervene in Bullying: A Social Cognitive Approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 2. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17020420>
- Wang J., Iannotti R.J., Nansel T.R. (2009) School Bullying among Adolescents in the United States: Physical, Verbal, Relational, and Cyber. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 45. No. 4. P. 368–375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2009.03.021>

Yang L., Gao T. (2023) Defending or Not? The Role of Peer Status, Social Self-efficacy, and Moral Disengagement on Chinese Adolescents' Bystander Behaviors in Bullying Situations. *Current Psychology*. Vol. 42. No. 33. P. 29616–29627. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-04039-1>

Сведения об авторах:

Букина Арина Алексеевна — стажер-исследователь, Центр междисциплинарных фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bukinaarina505@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-4032-8659.

Елисеева Елизавета Вячеславовна — студентка программы «Социология и социальная информатика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eliseevaeliza6@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0006-8713-7537.

Петрова Елизавета Игоревна — студентка программы «Социология и социальная информатика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** petrova693elizaveta@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-7298-6138.

Титкова Вера Викторовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель Департамента социологии, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-8919-6817.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

BAK: 5.4.4

Bystanders of Bullying: What Motivates Students to Intervene or Stay on the Sidelines

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.6

Arina A. Bukina *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: bukinaarina505@gmail.com

Elizaveta V. Eliseeva *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: eliseevaeliza6@gmail.com

Elizaveta I. Petrova *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: petrova693elizaveta@gmail.com

Vera V. Titkova *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: vtitkova@hse.ru

The article examines the reasons for witnesses' (non)intervention in defending victims of school bullying. We explore the phenomenon of moral disengagement among 8th-10th grade students from two schools in Saint-Petersburg.

A thematic analysis of 42 interviews revealed that non-intervention is often accompanied by fear, indifference, and the belief that bullying is deserved. Fear of worsening their position in the group hierarchy and the anxiety of becoming the next victim of bullying act as deterrents, leading students to remain passive bystanders. Indifference is often explained by a focus on personal problems and distancing from the challenges of others. Blaming the victims makes intervention a socially undesirable action.

Intervention and support for victims are motivated by friendship with the victim, a sense of moral responsibility for the well-being of others, and personal experiences of having been bullied.

The study's findings are important for developing anti-bullying programs and creating a supportive school environment. Addressing the causes of non-intervention can help teach students to be socially responsible for their own behavior and the behavior of those around them.

Keywords: school bullying; bystanders; moral disengagement; schoolchildren

Authors Bio:

Arina A. Bukina — Trainee-Researcher, Centre for Interdisciplinary Basic Research, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bukinaarina505@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-4032-8659.

Elizaveta V. Eliseeva — Student, Bachelor's Programme "Sociology and Social Informatics", HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eliseevaliza6@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0006-8713-7537.

Elizaveta I. Petrova — Student, Bachelor's Programme "Sociology and Social Informatics", HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** petrova693elizaveta@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-7298-6138.

Vera V. Titkova — Candidate of Sociology, Senior Lecturer, School of Sociology, Junior Research, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-8919-6817.

Received: 13.10.2024

Accepted: 09.12.2024